

A detailed illustration of a young woman with long, dark hair and a serious expression, wearing a black leather motorcycle jacket. She is holding a small, white, fluffy goat with small horns in her arms. Surrounding her are four wolves, two on each side, looking forward with intense eyes. The background is a dark, atmospheric city street at night, with tall buildings, glowing street lamps, and a large, full moon in the sky. The overall color palette is dominated by blues, blacks, and warm orange/yellow light from the street lamps.

Анна Айдарова

ПОКА ГОРОД
СПИТ

Анна Айдарова

Пока город спит

<https://litres.ru/74238272>

Аннотация

Жил-был себе самый обычный парень Иван. Закончил школу, поступил в институт, и все у него было как у всех, кроме одной маленькой тайны: каждое полнолуние становился он обратным. И ладно бы волком или медведем - хоть не стыдно. А он превращался... в козленка. И была у него еще одна тайна - влюблен был в одноклассницу, и до сих пор не может забыть ее. Но как девушке признаться, что ты козел? И скрыть трудновато... Только попала Василиса в беду - отомстила мачеха бывшему мужу, самое дорогое забрала. И теперь собирается герой в дорогу: туда, не знаю куда, через три царства - медное, серебряное и золотое, чтобы отыскать спящую царевну, а заодно узнать и другие тайны, которые скрывает город.

Книга пишется в рамках литмоба "Реальная сказка". Добро пожаловать в сказку, не отличимую от реальности! Будет интересно!

Не забудьте на меня подписаться - вас ждет много интересных историй.

Содержание

Глава 1. Полнолуние близится	4
Алена	11
Глава 2. Иван	18
Глава 3. Не волк	30
Андрей	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Глава 1. Полнолуние близится

Андрей

Утро. Очень раннее утро. Впрочем, даже в августе, даже в городе светает очень рано.

Ещё нет пяти, а я уже на кухне. Режу хлеб — только что наточенный нож ритмично постукивает по деревянной доске, — потом наступает очередь сыра и помидоров. И периодически смотрю в окно. Дурацкая привычка. Что можно увидеть из окна седьмого этажа башни, окруженной еще дюжиной таких же одноподъездных высоток?

Москва уже начинает просыпаться. Хоть это и едва заметно. Здания под перламутровым небом стоят посеревшие и молчаливые, как будто никак не стряхнут с себя последний сон. Ещё не светло, но уже и не темно: город стоит в полутени, словно замер между мирами и последний шаг сделать никак не решится. Как и я. А в небе — тонкая полоска перламутрового света. Там, за крышами, пробуждается день. Всё вокруг затихло — как будто само время решило взять паузу.

Мне спокойно. Такое странное, немного глухое спокойствие, которое не предвещает обычно ничего хорошего. Поговорка про затишье перед бурей — это про меня. Всегда срабатывает. Ни разу не минуло. И сейчас я это ощущаю безумно остро. Так остро, что на пару секунд перестаю заниматься завтраком. Это скоро пройдет. Избавиться от этих

приступов легко, если бы Аленка была рядом. Но она спит. И будить ее я точно не собираюсь: первый выходной за последний месяц, ранние подъемы, поздние возвращения. И в отпуск идти категорически отказывается. Стоит мне заговорить об этом — как она с возмущением начинает рассказывать о брате и своем долге. Глупая, как будто я не знаю, сколько сегодня уходит на содержание студента-очника, которому родители должны дать образование, а не подыскивать подработку. Неужели я бы их бросил? Она ведь прекрасно знает, что нет. Но упорно доказывает мне свою независимость. И от этого я люблю ее еще больше.

Даже мысли о ней достаточно, чтобы сбившееся дыхание вернулось в допустимые пределы. Всё правильно. Значит, всё пока еще на своих местах.

Я не умею красиво говорить. Слова для меня — это всегда трудно. Умею — кофе с корицей и тосты с яйцом. И любимую ее шакшуку — тоже умею. Всё просто, но от души. И мне не нужно многого — только видеть, как она улыбается, когда садится за стол рядом со мной, как жмурится от крепкого горячего кофе и улыбается, как ее растрепанные после сна волосы нежно и трогательно пушатся... Ради этого можно встать на рассвете.

Я успеваю еще призвать к порядку начавший подтекать бачок, поменять лампочки — в Ванькиной комнате, в коридоре, на общей площадке, а вот с краном на кухне ситуация не такая радужная. Без новой прокладки не обойтись, а луч-

ше бы и сам отлив заменить, держится на честном слове — прогнил уже. Впрочем, для нашего района это нормально, и если кран продержался без поломок три года — это здорово.

Луна ещё висит в небе, почти невидимая, но от этого не менее страшная. И кажется, что она совершенно не желает уступать место солнцу. Почти круглая, бледная, как выцветшее серебро. Я ощущаю её свет даже сквозь утренние лучи и бетонные стены.

Чёртова луна.

Стоит только взглянуть на нее, зацепиться взглядом за этот почти ровный и почти уже невидимый круг — и все, она становится тяжёлой, как камень, ловушкой, из которой не выбраться.

Неспокойно. Глухо ноет под рёбрами, где-то очень глубоко внутри.

Полнолуние близко. Очень близко.

Я всё чаще замечаю, как начинаю считать дни. Как отмечаю даты, и не в календаре, а в себе — так, словно это как-то спасет меня... Это не просто биология. Это что-то древнее, дикое. Как инстинкт. Как зов.

Аленка все про меня знает. Видела. Испугалась. Но все равно приняла.

Я слышу, как она входит на кухню. Босиком. Глаза еще закрыты. Волосы взъерошены. Но она все равно удивительная и красивая. Самая красивая. Моя.

— Доброе утро, — говорит она и тянется к чашке, в кото-

рую я уже налил кофе.
 Я поворачиваюсь, и на секунду всё это — её голос, утренний свет, запах кофе — делают меня настоящим. Человеком. Мужчиной. Тем, кто умеет быть рядом.
 — Доброе утро, принцесса. Завтрак готов. А ты?
 — Спасибо, Андрюш. Я еще нет, я еще сплю... Ох, как же я сплю... Как же хорошо! Ой, кофе...
 Она отпивает черный горький и горячий напиток из чашки маленькими глотками и задумчиво смотрит в окно. Там оживает город: нервно тренькает на березе птица в припадке летнего счастья, где-то за стенами завывла сирена — скорая или полиция спешит, а может и МЧС. В соседних домах понемногу зажигается свет в окнах — люди встраиваются в свой привычный мир и готовы оживить летний день.
 Я чувствую, как время начинает бежать быстрее.
 Сегодня я должен всё успеть: завал в отделе, наверняка и вызовы будут... И не забыть по дороге заскочить в сантехнику. Прокладка для крана, а еще лучше — новый отлив. Правильно, чтобы не мучиться. Я не забуду, разумеется, главное — все успеть. И еще одно главное — ночь.

Полнолуние.

Время, когда так сложно сдерживать себя. Ночи, когда это почти невозможно.

— Что на ужин сделать? — спрашивает она. — Хочешь плов?

Я невольно смотрю в окно, туда, где еще полчасика назад висела предательница-луна.

Я не останусь. Не могу. Не хочу, чтобы она снова это видела. Не прощу себе, если сорвусь.

А внутри словно что-то рвется. Все яростнее. Слишком близко.

— Я сегодня поздно, Ален, — говорю я как можно спокойнее. — Но обязательно заеду. Кран. Куплю все, что нужно и поменяю. До вечера потерпи. А вот насчет ужина не уверен.

Она улыбается. Как будто не замечает, как я напряжен.

— Конечно, потерплю. Давай плов я все-таки сделаю. И много мяса, как ты любишь. Ты только приезжай, — тихо добавляет она, не глядя на меня. Значит, тоже чувствует.
— Я заеду, Алена, — говорю я. И сам себе не верю. Потому что в голове уже не Москва, не кран и не кофе. А ветер, запах пепла и кровь на языке. — Только потом не останусь. Не удерживай, ладно? Мне... трудно без тебя, но лучше я один, — признание дается тоже трудно, почти так же трудно, как переживать полные луны без этой девчонки. Я задыхаюсь от нежности, когда она рядом. Я задыхаюсь от одиночества, когда ее нет. И только с ней я помню, я пока еще помню, что я — человек.

Я отвожу взгляд и молчу. И она молчит. Потом подходит, садится рядом и берёт меня за руку. Тепло её пальцев будто прошивает до самого сердца.

Целую ее и подхватываю на руки. У нас еще целый час в запасе. Целая вечность — для нас двоих. Хорошо, что она

проснулась так рано. Хорошо, что она готова быть со мной, принимать и терпеть.

И я отдал бы все, чтобы остаться.

P.S. Дорогие друзья!

Рада, что вы заглянули на мою страницу и дочитали первую главу! Если вам нравится, как я рассказываю сказки — загляните в мою страницу VK. Там я показываю черновики, вырезанные сцены, мы обсуждаем визуалы и сюжеты, отвечаю на вопросы. А ещё подписчики VK первыми узнают о скидках, розыгрышах промокодов и временных акциях. Ссылка в профиле (Блок "Обо мне" -> сайты)

Добро пожаловать в литмоб

“РЕАЛЬНАЯ СКАЗКА”

14 захватывающих историй, которые никого не оставят равнодушными!

Повзрослев, ты перестаёшь верить в сказку. А что, если она окажется реальной? Но всё будет уже не так волшебно, как в книге...

Найти все истории литмоба можете по тегу литмоб_реальная_сказка

За комментарии отдельное спасибо!

Приятного чтения!

Алена

Когда Андрей уезжает, в квартире становится тихо. Слишком тихо. Он старается не шуметь — закрывает дверь аккуратно, почти неслышно — думает, что я задремала и не хочет беспокоить. Я действительно еще в полусне. Но я всё равно чувствую: он ушёл.

Пора вставать. Утро разгорается все ярче, машины уже злобно пересигналиваются — окна нашей квартиры выходят на улицу — и яростно торопятся развести своих хозяев по работам и делам.

А мне сегодня никуда не нужно. Выходной.

Сажусь на кухне. Остатки кофе в турке всё ещё тёплые, но будто уже чужие. Наливаю в свою чашку — мне вполне хватит нескольких глотков крепкого кофе — и смотрю в окно. Город уже проснулся: где-то хлопают двери, оживают окна и балконы. Птицы замолкают, подавленные этой суетой и отдают пальму первенства людям.

Сегодня у меня выходной. Значит — день наедине с собой.

Начинаю с уборки: привычный ритуал, чтобы не думать. В ванной — стирка: разложить все по цветам и запустить наконец-то машинку. Иван уехал на несколько дней с институтскими товарищами на спортивную базу, а я все дни провела на работе, было не до стирки. Потом на кухню, посуда.

Андрей вымыл все, даже сковородку, и мне остается только сполоснуть турку, чашки из-под кофе и наши тарелки с шакшукой и бутербродами. Самое нелюбимое мое на кухне — мыть посуду.

Оставляю это неприятное занятие на потом и иду в душ. Оправдываю себя тем, что частичка Андрея все еще остается здесь, в посуде, которая помнит его руки. А когда я смою остатки кофе — ничего не останется.

После душа я убираю волосы в пучок и надеваю старую футболку Ивана с затертой эмблемой какого-то футбольного клуба. В ней удобно. Просторно. И немного пахнет прошлым, в котором были родители, лето, сосны на даче, бабушкины блины, мамина улыбка и папа, который смеялся так, что казалось — всё на свете не так уж и страшно.

Пылесос врубаю на полную, чтобы не думать. Чтобы заглушить мысли. Протираю пыль, мою пол. Пытаюсь привести квартиру в порядок, как будто этим могу привести в порядок собственную жизнь.

На кухне, между делом, ставлю отвариваться курицу — Иван возвращается на днях. И еще делаю заготовки для плова. Андрей ест все, но плов любит безумно, и мне очень хочется хоть так сделать ему приятное. Черт с ним, с этим крапом, капает — и пусть капает себе, меня это не раздражает.

Андрей не умеет останавливаться, и после рабочего дня, особенно когда не успевает или забывает пообедать, приезжает серый, уставший и смирный, сил сопротивляться не

хватает, и у меня появляется шанс уговорить его сначала поесть и только потом — что-то доделать, или еще раз уговорить, чтобы доделать потом, позже, завтра...

Я снова варю себе кофе. Есть не хочется — жарко. Но перерыв нужен. А кофе напоминает мне о сегодняшнем утре.

Смотрю в окно. Слышно, как люди внизу суетятся, машины гудят, а я как будто отделена стеклом. За окном день, а у меня внутри — серый дождь и тьма.

Я думаю об Андрее и улыбаюсь, пока протираю пыль, меняю постельное бельё. Еще хорошо бы убраться в комнате Ивана. Он всегда спешит, всегда все разбрасывает где придется. Раскидывает, а потом мечется по квартире в поисках. Я раскладываю по местам тетради Ивана и улыбаюсь. Мой младший брат. Уже взрослый. Почти.

Мы с Иваном остались вдвоём пять лет назад.

Авария.

Они поехали на дачу. Мама и папа. Я осталась в городе — сдавала сессию, да и не хотела я ехать на дачу, не любила я там бывать. Иван в самый последний момент заболел, и бабушка забрала его к себе — лечить и чтобы не мешал и не заразил.

А потом мне позвонили. И моя жизнь разделилась на до и после. Знаю, банально. Все так говорят. Только это и правда случилось: вот была моя обычная, спокойная жизнь, с радостями, печальями и прочими атрибутами, и в один миг закончилось все.

Я не помню, как тогда вообще дышала. Была как во сне. Похороны, следствие, суды, опека, документы... все смешалось в один непрекращающийся кошмар. Я вообще не понимала, что происходит, что мне нужно делать и как не допустить, чтобы Ваньку забрали в интернат. Мне было двадцать, брату тринадцать. Мне говорили, куда идти, я шла, но я ничего не помню. Опека, суд, документы, опять опека... Больше всего я боялась, что брата заберут, потому что — ну какая из меня опекунша...

Потом — бабушка. Мама была ее единственной дочерью. К нам опять ходила опека, я судорожно пыталась бросить институт и найти работу.

Я правда опустила руки. Я не думала, что справлюсь.

Но Андрей... Он тогда все время был рядом. Я только сейчас понимаю, что реально он тогда для меня сделал. Он сам только институт закончил, только-только устроился на работу. И умудрялся между всем этим быть со мной. Помогал, когда не было сил ни вставать, ни говорить. Он просто был. Иногда — молча. Иногда — с пищей и глупыми шутками, когда мне орать хотелось от бессилия. С деньгами, когда не хватало на оплату квартиры.

И его отец тоже. Суровый, мрачный, с тяжелым, пронизывающим взглядом. Я его всегда боялась. Знала, что он овдовел несколько лет назад, сам воспитывал младших — их семья была на весь наш район известна, восемь детей! — и конечно оправдывала его неприветливость: жену свою он очень

любил. Только ко мне он всегда относился прямо-таки с открытой неприязнью. И все из-за Андрея. Из-за наших отношений. Ну недостаточно я хороша для их семьи и с родителями была, а уже после того, как одна осталась...

Но он помог. Все связи поднял, всех достал, но Иван остался дома. И работу именно он мне нашел, так, чтобы я и институт смогла закончить, и Ваньку содержать. Андрей потом признался, что те деньги, которые он нам приносил, по большей части от его отца были. И если бы мне Ивана не оставили — они бы забрали под опеку...

Вот так.

А потом я узнала и про Андрея. Случайно. Только мне все равно уже было — я ведь с пятого класса в него влюблена была. И ничего это не изменило. Только неприязнь его отца ко мне стала понятнее. И причина, по которой мой любимый исчезает на несколько дней в месяц — тоже.

Как бы там ни было, сейчас у меня есть подобие семьи, брат и диплом. И работа. И хоть что-то в жизни держится.

В комнате Ивана вещи разбросаны — собирался и конечно оставил все как есть. Я и тут меняю постельное белье, застилаю его кровать и аккуратно раскладываю разбросанную одежду в шкаф. На полу, под стулом валяется сумка, с которой Иван ходит в институт и его ветровка. Поднимаю куртку и вешаю аккуратно на ручку дверцы шкафа, где она всегда висит. Он не маленький, но для меня — всё ещё ребёнок. Не говорю ему, но я всё ещё боюсь, что он вдруг исчезнет.

Что снова кто-то позвонит. И скажет, что произошла ошибка. Умом я понимаю, что все, Ивану уже восемнадцать и все позади, но страх все еще иногда сильнее разума.

Иногда я вижу их во сне — маму и папу. Они стоят где-то в сумраке, смотрят на нас с Иваном. И я точно знаю, что им теперь все известно, и они одобрили бы Андрея. Иногда мне даже кажется, что они рады, что он рядом.

А скоро — полнолуние.

Андрей никогда не рассказывает, что происходит. Но я вижу, как он меняется. В глазах появляется что-то дикое. И он уходит. После того раза — всегда уходит заранее.

А я жду.

И молюсь, чтобы вернулся живой. Потому что мне страшно.

Все дела давно закончены, стрелки подбираются в девяти вечера, и за окном уже темно. День промелькнул незаметно, прополз и скрылся.

На стене бормочет телевизор — идет какой-то сериал, очередной и типичный. И это успокаивает. Я достаю паяльца с канвой, включаю лампу и сажусь в кресло. Так легче ждать. Привычные, отработанные до механистичности движения. Разноцветные нити. Можно выбрать любой цвет, любой, который радует или любой, который не раздражает. Игла, нити, ткань — взгляд на разноцветный лист — и все заново: игла, нити, ткань... В отличие от жизни, это можно распустить и вышить заново, если что-то пойдет не так.

Когда часы показывают половину одиннадцатого, я подхожу к окну. Там — луна. Большая, слишком яркая. Странная. Будто смотрит в мое окно. И тоже ждет. Пока она еще не идеально круглая, но уже скоро. Я чувствую: что-то приближается. Что-то, чего не объяснить. Что-то, от чего страшно всем.

За окном — город. Обычный, прозаический город. Люди идут по улице и переговариваются, парочки целуются — когда, как не сейчас. Кто-то спешит домой, чтобы забыть сегодняшний день во сне, а кто-то — чтобы начать все заново... Обычный город. Город, в котором сны прячутся в трещинах уличного асфальта. Город, в котором всё самое важное случается, пока все спят.

А я не сплю.

Глава 2. Иван

Солнце шарашило так, будто решило вмазать мне по макушке за все грехи, и прошлые, и будущие. Август в этом году прям нетипичный какой-то, жара — просто жуть.

Электричка тащилась как сонный удав, и я реально чувствовал, как плавлюсь. Даже аудиокниги не спасали: голос лектора о сложных интегралах звучал в мозгу как молитва перед исповедью — загадочно, мистически и нифига не понятно. Я поменял трек в наушниках на новый альбом любимой группы, закрыл глаза и просто кайфанул от мысли: я еду домой. В Москву. К своей сестре. В *нормальную* квартиру, где нет общаги, комаров и туалета на этаже для всех, но без уборщицы.

Сборы прошли круто. Если не считать бытовые неудобства, но это фигня, честно. Баскетбол — это мой релакс, моя медитация. Я не Стив Карри, конечно, но попадаю стабильно. Ну и да, меня взяли в основную команду. Типа круто. Все хлопали по плечу, говорили, мол, Ванёк, ты красавчик. А я улыбался, кивал — и внутри чуть-чуть гордился собой. Ладно, не чуть-чуть. Гордился. И Аленка обрадуется.

Но всё это — спорт, тусовки, жара, простая еда в столовке — уже казалось чем-то далеким. Я возвращался туда, где привык жить. В дом, который Алена смогла сохранить. Где

пахнет утренним кофе и книгами. Где на кухне всегда в банке гречка, а в холодильнике — борщ. Где Андрей, её мужик, неофициально, конечно, но по факту — мой почти-шурин, вечно с серьёзным лицом, но с добрыми глазами. Семья.

Я его уважаю. Он мне помог, когда с поступлением было сложно — я психовал и реально хотел все бросить. Он вообще-то зря болтать не любит, но тогда мне мозги вправил. И все, учусь, и сейчас даже не представляю, как бы год пропустил... Точно бы поступать не стал и жалел бы. Но вот сложилось.

Но даже дома — даже *вроде бы* среди своих — я не до конца свой. Потому что у меня есть тайна.

Сейчас скажу и сам не поверю: я — козлёнок. Ну, типа не метафора. Реальный козлёнок. Белый такой, с рожками. В полнолуние. В каждое чёртово полнолуние. В десять лет — бац! — и всё: вечер — человек, ночь — меее.

Мама тогда ещё жива была... Я испугался и какое-то время жил с этим сам. А потом решился и маме рассказал. Она мне, думаю, не поверила. Ну как, дети ведь часто себя животными какими-то воображают, типа, играют так. Конечно не поверила, но вид сделала. Я подумал, что не, покажу ей. Только не успел. И остался с этим один. Аленке говорить не стал — она и так как тень ходила, ее трясло от любого слова. Чего я еще буду беспокоить. Мысль иногда закрадывалась с Андреем поговорить, только и он... не родственник же... да и если станет... Ну его, короче. Так и живу с тайной. Вроде

не заразное, вроде не оборотень в классическом понимании — ни волк, ни медведь. Я гуглил, я искал — ничего. Даже один раз писал в форум эзотериков. Ответили: «Это знак, юноша. Примите свою природу». Принял, ага. До сих пор не могу сыр фету спокойно есть.

Сестре не говорил. Андрею — тем более. Он и так весь из себя правильный. Мне его даже жалко иногда. Алёна для него всё, а он не может её в ЗАГС сводить. Типа батя против. Я б этого батю уже на место поставил. Но это их дела. Вмешиваться... Аленка вроде не возмущается...

Электричка вкатилась на родную станцию. Я подхватил рюкзак, перекинул через плечо и побежал вниз по ступенькам. Москва встретила меня горячим асфальтом и выхлопными газами. Я вдохнул родной смог — и заулыбался. *Вот он, дом.*

Я люблю Москву. Это мой город. Здесь я на месте. Люблю сюда возвращаться из поездок, люблю метро с его непередаваемой смесью запахов, звуков и с этим вайбом суматошной торопливости и важности.

На секунду я замешкался — куда повернуть, направо, в метро, или все-таки пройти к кассам и купить еще один билет. А хорошо было бы домой — рюкзак закинуть, помыться, поесть Аленкин борщ... Сестра наверняка на работе, а уйти можно и до ее возвращения. И потом, когда вернусь окончательно — все объяснить. Правда, она наверняка расстроится, что я так вот, наскоком... И я пошел к кассам. Вещи у

меня все с собой, и ребята возвращаются с базы только через пару дней. Мне как раз хватит и все будет куловенько.

Завтра полнолуние. Жёстко. Ненавижу это чувство. Так что выбор я сделал правильный.

За день до полной луны — уже мурашки. Кожа зудит, будто что-то внутри меня очень хочет наружу. Молочные продукты вызывают отвращение. Зато зелень прям на ура заходит, ел бы и ел. И еще хочется... прыгать. Прямо вот так. На месте. Так что нет, никакого домой. В лес, как всегда перед полнолунием. Есть у меня одно, присмотренное специально для лета, местечко. Только воды надо купить и пожрать что-нибудь. И можно будет всю ночь быть собой. Хотя, честно говоря, я уже не знаю, кто я есть. Обернуться козлом я могу в любой день, в любое время. Только вот в полнолуние мне эта сила не подчиняется, все само собой происходит и удержаться пока ну никак не получалось. Словно кто-то мне указывает: вот твое место, не зарывайся... козленок.

И еще сны мне последнее время какие-то странные начали сниться. Со снов все и началось, кстати. Сначала сны странные, потом осознание, что в «свою природу» можно на свое усмотрению того, перевоплощаться.

А потом мне Васька начала сниться. Это одноклассница моя. И сестра Андрюхи по совместительству. Я в нее всю школу влюблен был. Только не признавался. А чего признаваться — я ботан, тихий, спокойный, даже медлительный, а Васька всегда заводила в классе была. Наверное, ни у ко-

го родителей так часто в школу не вызывали, как ее бату. То она по партам прыгала, то в окна лазала, то в туалете с мальчишками петарды взрывали. А с виду — девочка-лапочка, глаза огромные, коса ниже пояса... Она умная, все классы училась вообще не напрягаясь, но характер, конечно, не сладкий — на язык острая, но не хамка, не подумай. Просто энергия из нее ключом била, сложно ей было усидеть на месте. Учителю у нас строгие были, но сердиться на Васю никогда нельзя было долго. Она как взглянет на тебя своими зелеными глазами, как опустит их в пол и стоит, косу перебирает... Да такой что угодно простишь, реали. Братю ее опять же обожали и баловали нещадно. А чего — их семь, она младшая, девчонка, да еще и росла с пяти лет без матери.

Ну так вот. Васюка и стала мне сниться периодически. И сны такие яркие, реальные, как настоящее все, словно я и не во сне вовсе. Я бы даже сказал — мир вокруг мне периодически сном казался, а сны так наоборот прям реальностью. А перед полнолуниями так и особенно. Хотя мы после выпускного и не виделись вовсе, пусть и живем в соседних домах. Я уж и забывать начал и Васю, и влюбленность свою... Иногда, правда, особенно после снов, подмывало Андрюху спросить, как сестра, но я все стеснялся. Боялся услышать что-то вроде: «Уехала в Питер и вышла замуж». Да и с моей тайной, с превращениям этими... Ну, давай по-честному: встречаться ни одна не захочет. Был бы хоть волк, а то... прикинь, встречаться в буквальном смысле с козлом, хоть и в наушниках,

из которых “Дайте танк!” доносится, и с айфоном в рюкзаке. Бред же, да?

два дня спустя

Поезд метро, когда замедляет ход, издает совсем особый звук. Я слушаю эти звуки у каждой станции и наслаждаюсь. Полнолуние закончилось, я напревращался, напринимался себя, и своей сути дал вволю поноситься по лугам. И травы поел, не без этого. Когда я козел — мне прикольно быть как настоящему. Я привык, наверное. И принял эту вот «свою природу». Но когда слышу звуки города — все равно радуюсь. Город для меня — знакомое, уютное, родное, свое. Да как угодно назови. И метро. Я прям кайфую сейчас, я дома. И особенно это чувствуется после полнолуния. И пусть в вагоне душно и чья-то колонка орёт про «холодный вайб», — мне даже это по кайфу.

Выхожу на нужной станции, чтобы пересадку сделать — и вдруг замечаю её.

Василиса.

Ну надо же. Правда Васька. Только вспоминал ее — и вот, пожалуйста. Стоит на платформе. Только странная она какая-то, как будто сама не своя. Бледная, волосы растрепаны — ну надо же, косу обрезала! — и глаза пустые и непонимающие, как будто в вакууме застряла. Я сначала даже не понял — это точно она? Не глюк? Ну, мало ли — ночь, полнолуние, не выспался, потом еще день в себя приходил, купался... В прошлом году, в аккурат в полнолуние после выпуск-

ного, у меня от усталости вообще был баг с двойниками — четверо суток не спал. И теперь вот — фиг знает. Может, и сейчас так?

— Вася? — окликаю, подхожу ближе.

Она оборачивается. Взгляд ее цепляется за мою майку — мятая, несвежая футболка — я в ней и скакал по полям и лугам, что есть, то есть, — и я вижу: это *точно* она. И она меня узнала.

— Ваня? Это ты? — еле слышно спрашивает она и делает пару нерешительных шажочков в мою сторону. — Правда ты? Не сон?

— Это я. Ты чего тут?.. Всё норм? Тебя никто не обидел?

Она молчит. Просто стоит. Губы чуть дрожат. Потом моргает — резко, как будто вспомнила, что моргать вообще надо.

— Я... — она начинает говорить и обрывает себя. Смотрит на меня так, будто я последняя соломинка в этом бешеном метро. — Я не знаю. А где я, Ваня?

Она растерянно смотрит по сторонам и кажется вообще не понимает, где мы. Мимо нас течет толпа — народ с плохо скрываемой радостью расползается кто к выходу, кто к переходам, всем не терпится оказаться дома. Васю кто-то толкает — мы стоим на самом ходу, и я беру ее за руку, придвигаю поближе к себе. Ну вот. Всю дорогу пока в школе учились я был мелкий и толстый, а теперь Васька, которая всегда меня на голову опережала, мне до плеча еле достает.

Я, конечно, волнуюсь. Вася — это не та девочка, которая потеряется в подземке. Она умная, сильная, всегда чётко знает, куда идёт и что ей надо. А сейчас... да она будто только что из кошмара.

— Ты где была? Вась?

— Я не знаю, — шепчет она. — Я проснулась в вагоне. Не помню, как сюда попала. Всё... как в тумане. И я не знаю, где я.

Сердце у меня ёкает. Не по-романтически, а стрёмно. Прямо до мурашек. У меня ведь и у самого ночь была *так себе* — из козла обратно в человека превращаться с утра пораньше ещё то развлечение. Я бы сейчас с радостью завалился на кровать и отрубился. Но тут Вася. И ей явно нужна помощь.

— Слушай... — говорю. — Давай я тебя провожу? Ты ведь домой едешь?

— Вань, я не знаю. Не знаю! — она шепчет, и голос ее дрожит, а в глазах стоят слезы.

— Давай считать, что домой. Хотя стоп. Слушай, тебе точно домой сейчас надо?

Она передергивает плечами.

— Я не хочу домой. Я не знаю, что сказать. Я не знаю, что... как...

Смотрит на меня, как будто я ей ответ дать могу. А у меня внутри — бардак. Но я беру себя в руки.

— Так, давай тогда сейчас до нашей станции, а потом ко мне. Алена дома, и она почти врач. Чаю выпьешь, успоко-

ишься, и потом решим, как быть дальше. Алену помнишь, сестру мою?

Вася рассеянно кивает и доверчиво протягивает мне руку.
— Хорошо.

Мы идём молча. Только в вагоне метро она тихо спрашивает:

— Ты... случайно не видел... волков?

Я сбиваюсь со своих мыслей. Смотрю на неё внимательно.

— Нет, — говорю. — А что?

— Не знаю. Мне снились. И как будто... как будто я не спала вовсе.

Окей. Вот теперь у меня всё внутри встаёт дыбом. Волки, говоришь? Полнолуние, говоришь?.. Я, конечно, *козёл*, в самом прямом смысле, но даже мне становится не по себе.

Наша станция. Мой дом от метро — минут десять, Василисин чуть подальше.

До дома доходим быстро. Открываю дверь — Алена уже пришла с работы, судя по запаху кофе. Сестра выглядывает из кухни, улыбается.

— О, герой! Наконец-то! Как съездил? — Алена тянется обнять меня и только тут замечает Василису. Вася все еще какая-то потерянная, но ее хоть не трясет, и руку мою она впустила.

— Иван, что случилось?

Алена сразу стала серьезная и собранная. Прикидывает, надо ли будет колоть Васе успокоительное или таблетками

обойдемся? Ой, ладно. Быстро рассказываю историю нашей встречи и спрашиваю:

— Можно она у нас посидит немного? В себя придет, все такое? Куда ей сейчас? А потом я ее провожу до квартиры, Алэн. Только чуть оклемается.

— Правильно сделал, что к нам привел. Ребята, проходите на кухню. Ваня, ты похозяйничай сам, ладно? А я сейчас. Чай, бутеры, плед, диван — всё в вашем распоряжении. Проходи, Василиса. Не разувайся, — добавляет Алэна, видя как Вася неуверенно пытается сладить с кроссовками, и исчезает в комнате.

Я знаю, что она звонит Андрею. Они там наверняка на ушах стоят, если нет объективной причины Васиного отсутствия. Вообще я никогда одноклассницу не спрашивал, но мы достаточно взрослые уже были тогда... Я помню, как Алэнка по судам ходила, как к нам из опеки приходили и как дядя Алексей, Васькин отец, сказал, что меня заберет, если сестре не оставят — чтоб я с ними жил. А вот случись так... получается, мы бы братом и сестрой считались? И вроде согласие всех членов семьи на это надо? Она тогда согласна была?

Я усаживаю Васю на диванчик на кухне, включаю чайник, достаю шоколад — темный, как Алэна любит, и молочный — это моя слабость, и еще банку мёда — в школе Василиса за мед душу могла продать. Она молчит, но глаза уже не такие стеклянные. Оживает понемногу.

И мне, признаться, легче. Она здесь. И, чёрт, даже растрепанная — такая красивая. Жаль, конечно, что косу отрезала, ей-Богу. Но ладно. Так, до плеч, ей тоже идет.

Но внутри свербит. Волки, полнолуние, её потерянность, моя трансформация... Почему-то мне вопреки всякой логике кажется, что связно это. Всё это не просто совпадение.

Ночью что-то произошло.

И мне кажется — всё только начинается.

Я слышу, что Алена с кем-то разговаривает, потом ее шаги — и сестра входит на кухню с тонометром в руках. И еще какой-то штукой длинной.

— Вася, давай давление померяю тебе и сахар, — говорит Алена, раскладывая свои штуки на столе.

Василиса покорно протягивает руку и с надеждой смотрит на Аленку.

Ждем несколько минут, в тишине слышно только как шумит тонометр, сжимая манжету на Васином плече, а потом пикает, неохотно отпуская свою жертву. Потом — как пикает продолговатый предмет, пока считывает Васину кровь и ее показатели.

— Все в норме, — улыбается Алена, — не переживай. У тебя сессия закончилась уже? А спишь нормально?

Васька кивает, и жестами показывает, что все хорошо, и сессия давно позади...

— Полнолуние, — констатирует Алена. — Спала плохо, наверное? И перенервничала. Вот все и сказалось. Все нор-

мально, Васенька. Главное, режим дня и отдыхай побольше.

В дверь настойчиво звонят, Василиса поднимает глаза на меня, а Алена просит:

— Открой, это Андрей.

Глава 3. Не волк

Василиса

Я всегда любила луну.
Мне все казалось, что чудеснее луны на свете трудно что-то отыскать. И всегда смеялась над братьями, которые время полнолуния — самое прекрасное время! — встречали как каторгу. А разве это так? Воля, ветер и ле! И никаких ограничений!

Луна и сейчас смотрит на меня, и иногда мне кажется, что только на меня. Как будто выныривает из-за туч именно тогда, когда я поднимаю голову к небу. Как будто знает что-то обо мне — что не знают даже самые близкие. Может, она и правда знает?

Только молчит. Плывет себе в небе такая неприступная, огромная, манящая... А только и могу, что смотреть на нее. И не хуже братьев готова теперь быть. Только они это делают по зову крови. А я — от тоски.

Я родилась в полнолуние, как и все мои братья. Мы — дети волков. Отец — вожак рода. И дед тоже был вожаком. А мать моя — человек. И наверное из-за этого я не такая, как мои братья, как отец. Я чувствую луну, слышу ее зов. И на этом все.

Меня никогда не брали на охоту. Каждое полнолуние я просилась, умоляла отца, плакала. Но отец был неумолим. Не можешь обернуться волком — сиди дома. И мне остава-

лось замирать у окна, провожать их взглядом, отца и семейных моих братьев. Братьев я бы уговорила — ни один мне еще ни в чем не отказал. А вот папу переспорить еще никому не удавалось. Нет, он меня любит, обожает безумно, любое желание готов выполнить. Только не охота. Я понимаю, но от этого мне еще больше.

Я опять стою у окна. Егор и Андрей уже в машине, отец с кем-то говорит по мобильному, Сергей курит рядом, периодически вглядываясь в небо — ждет луну... А я... не могу бежать с ними. Я могу сколько угодно желать этого, сколько угодно просить и плакать. И ничего не произойдет. И не ощутить мне этого чудесного зуда на коже, когда пробивается густая шерсть, ни биения враз увеличивающегося сердца, ни этого странного света в мыслях, который будто открывает потайную дверь.

Пусто.

Я помню, как отец отвёл меня к бабке-ведунье. Мне тогда было шесть. Я сидела на полу, гладила её огромного пузатого чёрного кота. Кот был дикий, косил на меня глазом и выпускал когти. А я смеялась. Его шерсть переливалась и блестела, как масляная плёнка. Он тархтел от удовольствия, когда я трогала его ушки и чесала мордочку, но мне казалось, что это вовсе не мурлыканье, а какое-то пение. Или речь. Я гладила его, пыталась понять, о чём он говорит, а бабка чесала мои волосы частым гребнем, шептала слова, которых я не знала. Дала мне пить что-то — тёплое, сладкое, с горькова-

тым травяным привкусом, в целом — достаточно противный настой. До сих пор вот помню. Мне казалось, это всё игра. Я не слушала бормотание старухи — кот был куда интереснее.

Потом они с отцом долго-долго разговаривали. А я играла на полу с котом, вдыхала запах сухой полыни и тыкалась в теплый жирный бочок носом. Кот смешно фыркал и тарактел все громче.

Отец после той встречи больше не говорил со мной про мою особенность. Особенности-то никакой не было. И братьям, думаю, запретил. Со мной только Андрей говорил об этом, и то если я расспрашивала, а сам — нет. Ну вот не могла я удержаться, интересно мне было — а так ли все, как мне снится? Сны-то я видела: и как я несусь между старыми деревьями, и как луна зовёт меня туда, в самое сердце леса. И как ветер ласкает мою серую шерсть...

Когда все говорят о запахах, которые улавливают за несколько кварталов, я отвожу глаза. Когда смеются над тем, что «опять Вася ничего не чувствует, счастливая», я улыбаюсь.

Я просто не волк.

Наверное.

А потом начались сны.
Нет, сны я видела всегда. Только сначала это были просто сны: яркие, цветные, как в детстве. Иногда страшные, но в целом понятные.

Но последний год, с каждым прожитым месяцем, сны становятся не просто снами — а чем-то пугающе натуральным и выпуклым. Словно я не сплю, словно я в реальности, но

только в какой-то другой реальности. Не знаю, как объяснить.

А потом мои сны стали густыми и плотными. Я просыпалась среди ночи в своей комнате и не могла понять — а я спала вообще? И я видела — я во сне видела как я обращаюсь в волка, становлюсь собой... Или не просто во сне? Потому что я просыпалась и чувствовала, как кожа зудит в том самом месте, где, как говорят, начинается обращение — между лопатками. Словно что-то копошится под кожей, хочет вырваться. Но не может.

Я просыпалась — и не помнила, как легла.

Иногда — с царапинами. Иногда — с грязью под ногтями. Но я не рассказывала никому. Ведь... ведь обернуться мы можем против своей воли только в полнолуние. И всегда кто-нибудь из братьев дома, или отец. И если бы это случилось — наверное, они бы заметили. Но снова никто не говорил со мной об этом. И я молчала. И списывала свою забывчивость на напряжение в учебе — первый курс, я действительно психовала, боялась и нервничала перед сессиями, перед семинарами, перед коллоквиумами... да мало ли незнакомого и непонятного...

А потом была та самая ночь. Полнолуние.

Отец и братья ушли на охоту. Я осталась дома. Как обычно. Но в какой-то момент почувствовала, что не могу сидеть. Просто **не могу**. Как будто кто-то за шиворот тащил меня наружу.
Я помню только, как вышла из дома. А дальше

— провал.

А потом — метро. Я стояла в толпе, дрожала и никак не могла прочесть название станции, выложенное крупными буквами на стене. Мне было холодно и страшно. Всё казалось смазанным, как будто я смотрю через залитое дождевыми струями стекло. Люди проходили мимо, не замечая меня. А я не понимала, как сюда попала. И тут — голос знакомый, будто выдернул меня из сна:

— Василиса?

Иван. Он подошёл ко мне, прикоснулся к плечу. Я вздрогнула, но не отпрянула. Его голос, его запах — родное. Запах. Вот запах я чувствовала отменно и вдруг поняла, что это за чутье такое, про которое говорили братья.

Иван понял, что со мной что-то не так. Не стал спрашивать. Просто взял меня за руку и повёл. Он говорил что-то по дороге — про чай, про то, что не стоит идти домой в таком состоянии. Я молчала. Мне так трудно было что-то сказать, не пойми от чего. Я шла рядом и чувствовала, что внутри всё дрожит. Как будто я ещё не проснулась. Как будто иду сквозь сон.

Я услышала имя брата — Андрей. И поняла: меня же, наверное, ищут. Меня ведь с ночи дома не было. И я даже не знаю, где я была, что случилось...

Но что-то во мне изменилось. Что — я пока не понимаю. Но я чувствую, что луна смотрит теперь иначе.

Луна стала ярче и ближе.

Луна зовет меня. Зовет. Я слышу.

**Приглашаю вас в следующую историю нашего мо-
ба:**

Яна Воронова

МАЖОРКА И ЧУДОВИЩЕ В СТРАНЕ СНОВ

Найти все истории литмоба можно [ТУТ](#)

За комментарии отдельное спасибо!

Приятного чтения!

Андрей

Луна отступает. Серебряный обод на небе становится всё тоньше с каждым вечером, и луна будто выдыхается после того, что наделала в полнолуние. Вечера замирают, воздух — плотнее, и только внутри меня никак не наступает покой.

Раньше было просто. Ночь полнолуния, охота, воля — все это пьянило, дарило... кайф. Я люблю охоту. Хотя охоты мне и на работе хватает обычно, но наша охота — это как последний бой для чемпиона. Тело помнит, как двигаться, когти помнят, как вонзаться, и вкус свежей крови — твоей или соперника, не важно. А потом — рассвет, горячий душ, крепкий чай, Алена, работа. Я всегда заезжаю к Алене после охоты. Она не говорит, но я вижу, чувствую — а в полнолуние все чувства только обостряются, — она нервничает, не спит в ночь охоты. Ждет меня. Мама так же ждала отца. И пока она была жива, отец и минуты лишней не хотел задержаться в лесу — спешил к ней. И я так же теперь.

Всё идет своим чередом. Усталость была, конечно, но к обеду всегда отпускало. Обычно. Могли ныть не рассчитанные на такие перегрузки мышцы — но и только. Могла спина болеть — немного, недолго. А сейчас...

Полнолуние закончилось, я подбросил отца на работу, а Егора — домой и заглянул на минутку к Алене, отдать цветы. Обычные ромашки, нашел на лугу и собрал на рассвете.

Уходить не хотелось. Держал ее в объятиях, вдыхал ее запах, такой родной, такой теплый. Поле охоты я еще с неделю запахи воспринимаю, считай, только на этом и живу. Еле смог попрощаться. И опять она сунула мне в руки пакет. От контейнеров пахло пластиком, мясом, специями. Столовая у нас есть, конечно, но разве сравнить столовскую еду с домашним обедом от любимой женщины. Аленка всегда мне эти контейнеры сует, сумку специальную купила, чтобы остывало медленнее. А в дни после полнолуния — вообще огромные порции. Знает, я дико голодный после охоты.

От меня пахнет лесом, елями, дорогим мылом и глухой тревогой, которую никак не удастся смыть с себя. И потом к этому запаху примешивается тонкий человеческий — Алены. Хорошо, когда тебя ждут. Еще лучше — когда тебя принимают таким, какой ты есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.